

Э. Д. ДНЕПРОВ,

академик РАО, доктор педагогических наук, профессор

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

«Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года», принятая в 2001 году Государственным советом и Правительством РФ, является одной из попыток выхода из системного кризиса, охватившего все сферы жизни страны. Термин «модернизация» был выбран не случайно и с социально-психологической точки зрения, и по существу: после «шоковой терапии» и реформ последнего десятилетия общество крайне отрицательно воспринимает все, что связано со словом «реформа». По существу — потому что действительно предполагалась именно модернизация, то есть усовершенствование, обновление, изменение в соответствии с требованиями времени.

В широком, общецивилизационном смысле модернизация образования — это основа модернизации России, мощный фактор преодоления ею затянувшейся стадии «догоняющего развития». Образование в современном мире — ключевое условие экономического роста, краеугольный камень высокого благосостояния, стратегический ресурс устойчивого и динамичного развития нации. Однако отечественному образованию предстояло «догнать» саму страну, качественно изменившую за последние десять лет свое политическое и социально-экономическое устройство.

Прежде всего требовалось создать многие нормативно-правовые и организационно-экономические механизмы, чтобы в полной мере мог быть реализован Закон РФ «Об образовании». Не случайно ряд ключевых идей проекта модернизации образования восходил именно к нему: возможность выбора, многообразие и вариативность; нормативно-бюджетное финансирование; академическая и хозяйственно-экономическая самостоятельность учебных заведений; повышение статуса и усиление государственной поддержки работников образования и др.

Кроме того, предстояло преодолеть последствия глубочайшего социально-экономического кризиса 1990-х годов, который поставил эту отрасль на грань выживания, а педагогический корпус — за черту бедности.

Не менее сложны были задачи модернизации в части собственно обновления образования, преодоления все более нарастающего его отставания от потребностей развития страны. Здесь эти задачи приобретали максимальную общенациональную значимость. Ибо страна находилась на перепутье, где определялось — будет ли образование фактором стагнации или экономического роста и благосостояния общества, ресурсом конкурентоспособности и национальной безопасности страны.

Второй из вышеуказанных аспектов модернизации российского образования делал ее проведение особенно трудным. Кризис не только резко затормозил позитивные процессы в образовательной сфере, но и во многом вывел эту сферу за рамки государственных и общественных интересов. Образование, по существу, оказалось брошенным на произвол судьбы и было вынуждено заняться самовывживанием, все более абстрагируясь от реальных потребностей жизни и запросов страны.

В результате государственная образовательная политика редуцировалась до ведомственной политики, обслуживающей преимущественно интересы отрасли, а не страны; вместе с тем и само общество в условиях социального кризиса оказалось неспособным должным образом воздействовать на сферу образования, стать действенным субъектом образовательной политики.

Этот разрыв в системе «государство — образование — общество» имел по меньшей мере три серьезнейших негативных последствия. Во-первых, он обрек систему образования на экономическое оскудение и сделал ее полужакрытой структурой, нацеленной

в основном на самообслуживание и самовоспроизводство. Во-вторых, превратил сферу образования в зону наибольшей социальной напряженности — учительские забастовки в общем показателе российских стачек в конце 1990-х годов постоянно превышали 90–95 %. И в-третьих, он привел к существенному снижению эффективности и качества образования, к его оторванности от реальных потребностей современной России.

В оторванности от потребностей страны и состояла на рубеже веков основная коллизия российского образования, которую и призвана была разрешить его модернизация. Она должна была преодолеть то состояние нашей системы образования, которое вполне характеризовалось одним словом — неэффективность.

Существовавшая отечественная система образования выстраивалась в принципиально иную эпоху — на переходе страны от аграрной к индустриальной стадии развития; кроме того, она формировалась при принципиально ином политическом режиме — тоталитарном. Таким образом, в широком цивилизационном плане отмеченная выше основная коллизия нашего образования на рубеже веков состояла в противоречии между образовательным реликтом индустриально-тоталитарной эпохи и потребностями развития новой, современной России. Модернизация должна была преодолеть это противоречие, обеспечить новое, современное качество образования, выстроить эффективную систему с действенной экономикой и управлением, соответствующую запросам жизни и потребностям развития страны. При этом она имела две фундаментальные особенности (и две новые задачи), диктуемые входжением и общества, и образования в принципиально новую стадию развития.

Во-первых, на новом этапе общественной жизни и собственной истории образование стало важнейшей социально-политической, социально-гуманитарной сферой, призванной обеспечить входжение молодого поколения в общество свободных граждан. Ибо Россия на исходе XX столетия впервые попыталась встать на путь демократии, которая высвобождает силы народа и открывает неисчерпаемые ресурсы развития страны.

Во-вторых, в нынешних условиях образование стало в прямом смысле важнейшей экономической отраслью. Оно играет все более решающую роль в накоплении и развитии человеческого капитала, который в развитых странах мира составляет 64 % валового национального продукта, оставляя на долю физического капитала 16 % и на долю природного фактора — 20 %. (В России, напротив, 72 %

ВВП — природный фактор, 14 % — физический капитал и 14 % — человеческий¹.)

Однако летом 2004 года в ходе пересмотра социального законодательства и подготовки пресловутого закона № 122 «О монетизации льгот» ранее принятые финансово-экономические обязательства перед сферой образования были существенно скорректированы в части, например, ежегодного отчисления на нее 10 % от национального дохода; защищенности образовательных бюджетных статей; освобождения образовательных учреждений от налогов; права регионов вводить свои налоги и сборы на нужды образования; введения детских пособий; упрочения материально-технической базы образования и пр.

В последнее время в образовательной политике господствующим стал взгляд на образование как на сферу услуг, естественно, предполагающих «платность» этих самых услуг. Однако во всем мире вот уже более двухсот лет бесплатным (для населения) называют образование, за которое платит государство — за счет средств налогоплательщиков. Именно такое общепринятое понимание бесплатного образования закреплено в Конституции Российской Федерации.

В результате такого «услужливого» подхода мы сегодня оказались перед лицом социального кризиса. Те, кто считают образование «услугой», «товаром», не только извращают его гуманистическую природу, но и выхолащивают саму социальную суть образования как всеобщего, самоценного блага. Между тем общеизвестно, что образование — не только ключевая педагогическая, но и базовая социальная категория.

В собственном педагогическом плане — это обучение, воспитание и развитие личности, способной к самообучению, самовоспитанию, саморазвитию, к нравственному, духовному и гражданскому выбору и ответственности за этот выбор, к осознанию национальной идентичности и глобальных проблем современного мира, к профессиональному самоопределению и самостоятельной деятельности в условиях динамично меняющейся жизни для достижения самореализации и процветания страны.

В социальном плане это одно из наиболее социально значимых благ, фундамент и основное средство приращения человеческого капитала нации.

В социально-политическом плане — главнейший инструмент формирования гражданских ценностей и гражданского сознания, ста-

¹ Независимая газета. 2005. 23 марта.

новления гражданского, демократического общества.

В социально-экономическом плане — источник и основной ресурс экономического роста страны, ее благосостояния и конкурентоспособности.

В цивилизационном плане это основа преемственности культур и цивилизаций, мост, обеспечивающий сегодня переход к новому состоянию общества — «обществу знания» и, соответственно, к «экономике знания».

Вот почему во всем цивилизованном мире общества и государства, которые стремятся к экономическому прогрессу и социально-политической стабильности, заинтересованы в развитии образования едва ли не более, чем отдельно взятая личность.

Суть образовательной политики состоит в выработке и реализации социальной идеологии и социальных приоритетов нации в сфере образования. Эта идеология и эти приоритеты определяют в итоге цели, характер, специфику национального образования в трех его основных ипостасях — как социального института, как системы образования и как образовательной практики.

Наши неофиты рынка, в силу либо социальной незрелости, либо отсутствия внутренней культуры, не могут понять этих достаточно простых истин. Почему бы не прислушаться к мнению людей, живущих в рыночной реальности много дольше и плодотворнее и знакомых с культурой не понаслышке. Еще в 1999 году бывший премьер-министр Франции Лионель Жоспен на всемирной конференции по высшему образованию в Париже говорил: «Я отвергаю меркантильную концепцию, согласно которой развитие образования должно определяться только требова-

ниями рынка. Рынок для нас является реальностью, в которой мы живем и действуем. Но он не может быть горизонтом общества. *Не ради рынка утверждается демократия* (курсив мой. — Э. Д.). Как и все европейцы, я приверженец признания решающей роли государства — как гаранта равенства возможностей — в финансировании образования». Вся Европа, весь цивилизованный мир всемерно поддерживают образование не только достойным финансированием (доля расходов на образование в ВВП там вдвое больше, чем у нас — 7–9 %), но и разветвленной системой налоговых льгот и преференций. В рассуждениях же Министерства образования и науки РФ о необходимости «повышения инвестиционной привлекательности системы образования» об этом нет ни слова.

Что касается социальной составляющей реформы, то расширение платного образования, противоречащее и мировой образовательной практике, и Конституции РФ, превратит его в инструмент социальной селекции. Как подчеркивал научный руководитель Центра стратегических разработок М. Дмитриев, «при такой дискриминации в доступе к качественному образованию возникает порочный круг воспроизводства бедности из поколения в поколение. Дети бедных родителей не в силах вырваться из бедности просто потому, что не имеют возможности приобрести необходимые знания»¹. В этом плане задача образовательного сообщества — отстоять в образовании коренное, более того, исконно русское требование социальной справедливости, не превратить эту реформу в средство социальной дестабилизации и интеллектуальной деградации страны, а сделать ее действенным фактором развития образовательного, человеческого потенциала нации.

¹ Московские новости. 2004. 3 сент.